

Оксана Панкеева

Пересекая границы

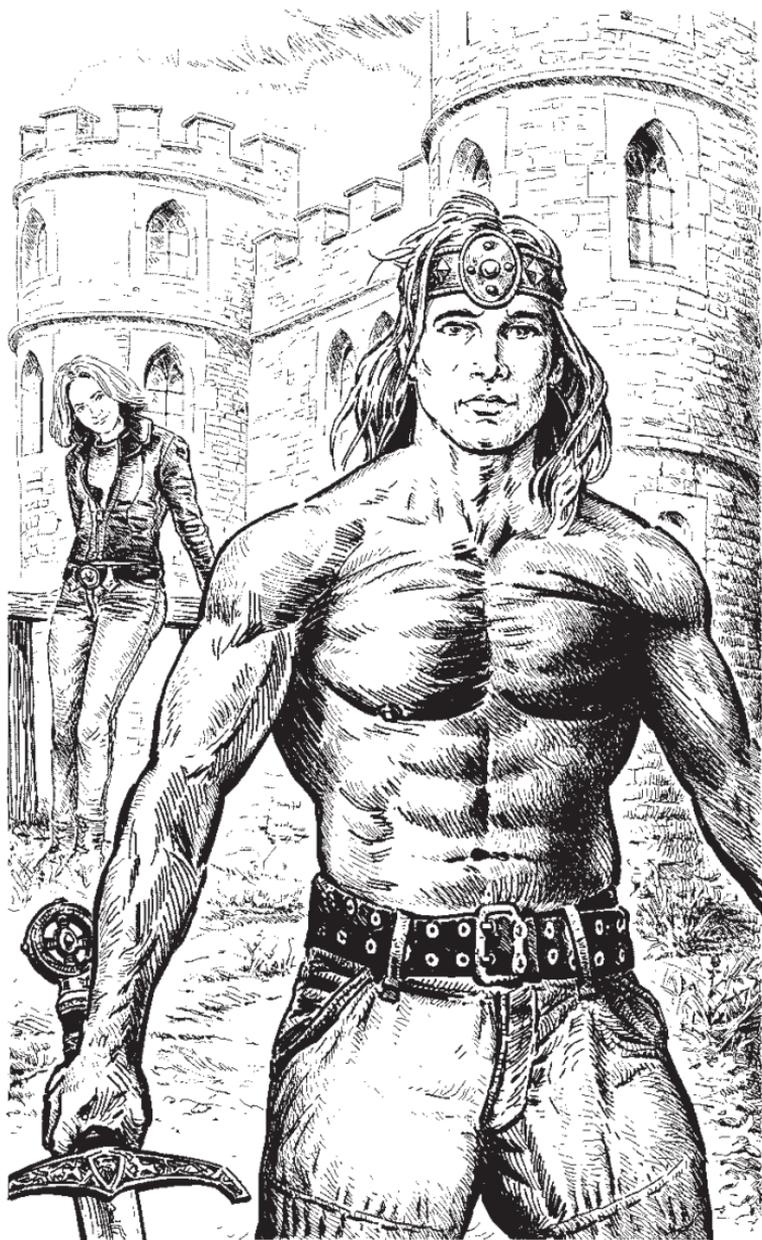
Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Оксана Панкеева

Оксана Панкеева

Пересекая границы

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2011
 ЕАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Бывает с людьми всякое. И жизнь иногда выкидывает такие фишки, что ни в одном кино не увидишь, потому как ни один сценарист в здравом уме до подобного не додумается. А у больного кто ж сценарий возьмет?

А ведь начинается все, можно сказать, очень просто и обыденно...

К примеру, бывает вот так. Тебе двадцать один год, и четыре из них ты вполне успешно изучала иностранные языки, пока не случилась катастрофа... Впрочем, и без того все было плохо. У родителей нет денег, и твой последний курс под большим вопросом. Разве что папе снова начнут платить зарплату, но это вряд ли. Да деньги еще ладно, можно как-нибудь самой подработать. Но вот потом... Что делать потом? Угораздило тебя сдуру выбрать такую экзотическую специальность, как испанский язык! Когда поступала, это имело смысл — конкурс был меньше, на английский вообще не поступила бы. А теперь? А теперь, как ни прискорбно это признавать, до тебя с большим запозданием, как до того жирафа, доходит, что конкурс был меньше не просто так, а по самой реальной и объяснимой причине. Что с этой специальностью делать? В большом городе можно было бы устроиться, но для этого надо там жить. А чтобы там жить, надо иметь такую работу, чтобы хватало и жить, и за квартиру платить, и еще прописаться каким-то образом надо, а то ведь вообще никуда не возьмут... Замкнутый круг. Чтобы найти такую работу, надо иметь или знакомства, или феноменальное везение, а ни того, ни другого у тебя нет. Равно как и нет еще одного полезного качества, которому трудно

найти название,— но именно благодаря ему люди ухитряются устраивать свою жизнь в таких же обстоятельствах и даже в намного худших. Закономерный финал: пометаться пару месяцев, пока из общаги не выселят, и валить домой, в родные Большие Кульбабы, задрипанный районный городишко, где вообще работы нет. Разве что на том заводе, где папе зарплату не платят. Или на базаре. Кому нужен твой испанский в родном городе? Может, попробовать давать уроки английского, который у тебя был вторым языком и который ты сама знаешь очень и очень неуверенно?

И вот топаешь ты с ночного поезда пешком домой, потому как автобусы уже не ходят, а на такси, разумеется, ни копейки в кармане, размышляешь обо всем этом, и такая безнадега вырисовывается впереди, хоть иди и топись. Бывает же, что человеку по жизни вообще ни в чем не везет. Ни в любви, ни в работе, а в финансовом вопросе — так и вовсе полный провал. Идешь ты вот так, думаешь о том, что все пропало и жизнь кончена, и даже не подозреваешь, что твои проблемы смешны и уже не актуальны, поскольку жизнь кончена и все пропало в прямом смысле. В самом прямом, какой только бывает. И когда тебя вдруг хватают за горло сзади, ты успеваешь только увидеть, как блеснуло лезвие в свете фонаря, и запоздало вспомнить, что по городу давно ходят слухи о маньяке. И еще подумать, что жизнь все равно кончена, так что фиг с ней. Ну что в ней осталось хорошего?

Само собой, в такой момент никакому идиоту не взбрет в голову думать о параллельных мирах, волшебниках, эльфах, гномах и прочих там сказках. Какие уж тут сказки...

ГЛАВА 1

Пух спросил у Кристофера Робина: «Как они сюда попали?» А Кристофер Робин ответил: «Обычным путем. Понятно, что это значит?»

А. Милн

В королевстве Ортан, как и на всем континенте, раскинушемся с севера на юг от Белого Океана до Мистралийских морей (а с запада на восток его вряд ли кто-то прошел

целиком), никто бы и не подумал назвать волшебников, эльфов и гномов сказками. Хотя бы потому, что волшебники и гномы благополучно проживали бок о бок с людьми, а от эльфов остались многочисленные и убедительные свидетельства их существования. И о параллельных мирах было достоверно известно, что таковые существуют, и тому имелись наглядные доказательства — так называемые переселенцы. Никто толком не знал, почему происходят перемещения и как они происходят, но уж в том, что это бывает, никто не сомневался. Некоторые дотошные маги, занимавшиеся исследованиями в этой области, даже вывели несколько закономерностей упомянутого явления, однако понять его механизма так и не смогли. А остальным обитателям мира было как-то и все равно, отчего да почему и откуда вообще берутся эти странные чужаки. Откуда бы ни взялись, лишь бы жить не мешали и безобразий не учиняли. Не лезли со своим уставом в чужой орден, не пытались переделать мир на свой вкус, не оскорбляли общественную нравственность и вообще давали коренным жителям спать спокойно.

В ту ночь, когда королевство Ортан в очередной раз пополнилось новым переселенцем, коренные жители спали спокойно. Ночь была самой обычной, ничем не примечательной ночью, каких полно в году. Не было никакого праздника, никаких магических знамений, и с астрономической точки зрения она тоже ничем не выделялась. Даже дождя не было. Так что истинную важность этого момента для судьбы королевства вряд ли кто-то мог бы вообразить.

Однако — совершенно непонятно отчего — не спалось кое-кому и в эту ночь, хотя люди были все молодые, здоровые и бессонницей не страдали.

...Бывает еще и так. Тебе тридцать, ты красавец мужчина пяти с половиной локтей ростом, и у тебя есть все, что только можно пожелать. Здоровье — сколько угодно, о твоей нечеловеческой силе слагают легенды и баллады, и единственное, что тебя смущает, — это склонность бардов преувеличивать все, чего касается их резвое перо. Деньги — хоть купайся в них, даже одна сокровищница дракона способна обеспечить человеку безбедное существование на всю

оставшуюся жизнь, а ты выпотрошил их четыре, не считая того, что причиталось тебе просто по наследству. Женщины — они повально падают в обмороки, едва услышав твое имя, хотя тебе это в общем-то безразлично, ведь только одна из них для тебя дороже всего на свете, и вы счастливы в своей любви, что бы ни говорили по этому поводу злые языки. Власть — она тебя никогда не интересовала, но если кому интересно, то ты все же принц и первый наследник престола, и пусть пошлют боги твоему кузену-королю долгую жизнь, хорошую жену и побольше других наследников. Слава — уж ее-то у отставного героя больше чем достаточно, во всем королевстве Орган, да и на всем континенте, вряд ли найдется человек, который не слышал о принце-бастарде Элмаре и его подвигах...

И если бы кто-то набрался наглости и спросил принца-бастарда Элмара, какого же рожна ему еще не хватает, пожал бы его высочество могучими плечами, опустил бы пронзительно-синие глаза в томик классической поэзии, который держал как раз в руках, вздохнул бы печально и промолчал. Потому что вряд ли понял бы спросивший, что происходит в загадочной варварской душе первого паладина короны, даже услышь он прямой ответ. Если бы мог понять, не спрашивал бы.

Да и незачем знать каждому встречному-поперечному, что не тешит принца слава — хотя бы потому, что он вообще не тщеславен. И что опытный умелый воин, владеющий и топором, и мечом, и всеми классическими видами оружия, вовсе не считает это великим достоинством, потому как махать этим самым оружием, всеми его классическими видами, находит занятием простым, общедоступным и не особо интеллектуальным. Что под стальной броней могучих мышц бьется сердце поэта, и не задумываясь отдал бы принц-бастард свою воинскую славу за то, чтобы уметь так же изящно сплести слова, как столь любимые им старые классики. Но увы! — поэт из него получался никудышный, и поскольку ценителем он был настоящим, всю никудышность своих поэтических экспериментов полностью сознавал. Вот и оставалось сидеть в библиотеке с бутылкой доброго вина, вчитываться в бессмертные строки давно почив-

ших бардов, наслаждаясь их неповторимой прелестью, и размышлять о вещах возвышенных и прекрасных.

Так было и в эту ночь.

Принц-бастард Элмар сидел в библиотеке с томиком стихов, неторопливо перелистывая страницы, и настроение у него было печально-лирическое. То думалось его высочеству о несправедливости матери-природы, то одолевали его воспоминания о былом, и, поскольку вспоминать ушедших товарищей и соратников всегда было грустно и больно, эти мысли только усугубляли его печаль. Он уж подумал было, что довольно хлестать вино и предаваться унынию, самое время пойти спать, как вдруг его ночные посиделки были прерваны самым неожиданным образом.

Не спал сегодня и Жак, личный шут и большой друг короля, но его одолевали совсем иные чувства, даже отдаленно не походившие на светлую печаль принца-бастарда Элмара. Если бы сейчас кто-нибудь заглянул в спальню шута, то вряд ли узнал бы в этом нервно трясущемся человеке того весельчака и разгильдяя, который блистал у подножия трона и которого никто не видел иначе как улыбающимся.

Королевскому шуту было страшно. До дрожи, до истерики, до помутнения рассудка.

Вот так еще бывает... Тебе всего-то двадцать шесть, а ты уже достиг таких немислимых вершин, что придворные зеленеют от зависти и втайне ждут, когда его величеству наконец надоест этот наглый выскочка и можно будет насладиться падением и унижением нынешнего любимчика. Как же, ждите! Плохо вы знаете короля, господа придворные... Да и его шута, кстати, тоже. Как любит повторять его величество, «для подданных существует официальная версия, а больше им знать не положено».

И в самом деле, если б господам придворным стало известно об этом обаятельном парне чуть больше, чем следовало, у них бы отпало всякое желание ему завидовать. И не веселились бы они по поводу его вечных недоразумений с женщинами, зная, что славой дамского угодника Жак обязан боязни спать в одиночестве, а не природной озабоченности. А с недавних пор шут и вовсе страшился засыпать из-за

постоянных кошмаров. Хорошо еще, что он по натуре человек легкомысленный и неспособный заикливаться на чем-либо,— иначе можно и умом тронуться. Ведь причиной кошмаров были совершенно реальные обстоятельства, и все страхи могли рано или поздно воплотиться в жизнь...

Нет, напрасно завидовали Жаку господа придворные. Не дай им боги когда-нибудь вляпаться так, как вляпался однажды веселый королевский шут. Из той передраги он чудом выбрался живым, и еще несколько лет потом ему за каждым углом мерещились убийцы. А стоило успокоиться и забыть, как судьба вновь подложила свинью.

Оказалось, что с некоторых пор принц Мафей стал видеть вещие сны. Это никого не удивило, маги — они вообще со странностями... но надо же было случиться, чтобы юному эльфу приснился именно Жак! Да еще в таких обстоятельствах, что несчастному шуту дурно сделалось при одной мысли. Уж меньше всего на свете бедняге хотелось очутиться на залитом кровью столе, да еще чтобы какой-то незнакомый мистралиец бил ему при этом морду...

Крови Жак вообще боялся до обмороков, а завидев мистралийца, старался перейти на другую сторону улицы. Но раз уж Мафею все это приснилось... Даже общество прекрасных дам перестало помогать, проклятые сны все равно приходят. Пусть и не вещие, они у Жака зато куда живописнее, чем у этого малолетнего ясновидца.

И сегодня, опять проснувшись в холодном поту, убедившись, что все было сном, что он находится в своей постели и что, к счастью, перепуганной дамы рядом не наблюдается, Жак не рискнул снова засыпать. Он долго сидел в постели, обхватив колени руками и пытаясь унять дрожь во всем теле.

Дрожь не отпускала.

Тогда он встал, спустился в кабинет и трясущимися руками налил в пивную кружку самогона, после которого страх немного притупился. Но не настолько, чтобы надеяться на нормальный, здоровый сон. Спать было страшно, страшно было даже приближаться к кровати.

Жак сел прямо на пол в темном углу за шкафом и тихо заплакал.

Не спала в эту ночь и танцовщица Азиль, но по гораздо более простой и приятной причине. Она вдохновенно и самозабвенно занималась любовью со случайным кавалером, с которым час назад познакомилась на улице и который на рассвете должен будет исчезнуть из ее жизни навсегда. Так было нужно, хотя она не совсем понимала почему. Так тоже бывает, когда ты — нимфа, но всю свою жизнь прожила среди людей, никогда не общаясь с себе подобными. Как нужно жить и что нужно делать, тебе всегда безошибочно подсказывает врожденный инстинкт, но если бы он еще умел объяснять, почему так нужно...

Подкидыш, найденный у дороги кочующими хитанами, Азиль сама не имела понятия, кто она такая, пока однажды к ней не присмотрелся внимательно один из ее любовников и не задался вопросом, человек ли она вообще. А потом взял за руку и повел к знакомому магу, который и объяснил девушке, что она действительно не человек. Правда, больше ничего вразумительного маг объяснить не смог, так как люди знают о нимфах крайне мало, но и на том спасибо. По крайней мере, она убедилась в том, что до сих пор все было правильно, что все ее странности на самом деле совершенно нормальны для нимфы и что все идет как надо. Пусть некоторые люди этого не понимают, пусть думают, что если женщина видит нечто недоступное обычному человеческому зрению, то она ведьма, а если говорит непонятные вещи, то она ненормальная, если имеет обыкновение проводить ночи с разными мужчинами, то шлюха... Глупо требовать от людей понимания.

Впрочем, сейчас, когда Азиль прожила в столице почти три года, ее уже все знали, и каждый мужчина почитал за великую честь удостоиться ее внимания и получить в придачу к незабываемой ночи еще и частичку природного волшебства нимфы, от которого могло быть только хорошее. Ну а женщины все же считали ее шлюхой, притом бесплатной и особо испорченной. Что с них взять...

Потому и не было у несравненной Азиль подруг ни среди порядочных женщин, ни среди настоящих шлюх. Ни тех, ни других она не понимала. Как можно спать с мужчиной, ко-

того ты не хочешь, и как можно брать за это деньги? Это вообще святотатство — брать деньги за любовь.

А мужчин Азиль любила, и они любили ее.

Ученица лекаря Тереза мужчин не любила. То есть общалась она с ними нормально, но до известных пределов. Прикосновения, заигрывания и даже разговоры об интимном вызывали у нее отвращение и страх.

И так бывает, и очень часто, и множество психологических исследований написано на эту тему, но никому от этого не становится легче. Она жила в этом мире уже полтора года. Ровно столько прошло с тех пор, как она переместилась сюда из своего мира при обстоятельствах, которые при всем желании нельзя было назвать приятными. За эти полтора года она немного успокоилась, обжилась, нашла себе работу и занялась изучением местной медицины, но отвращение и страх так и не прошли полностью. Наставница качала головой и говорила, что всякая психотравма лечится, надо только походить к хорошему мистика. Переступить один раз через свои религиозные предрассудки и походить в храм Мааль-Бли — такие проблемы лечат именно там, а христиане тут ничем не помогут, к ним и соваться не стоит. Тереза же не склонна была считать свои убеждения предрассудками и обращаться за помощью к языческим богам.

Тем паче это не было так уж необходимо. Азиль сказала как-то, что любовь и добро могут исцелить любую душевную болезнь, может быть, не так быстро, но зато наверняка, и этот путь представлялся Терезе более приемлемым.

В эту ночь она тоже не спала, но личные проблемы ученицы лекаря не имели никакого отношения к причине ее бессонницы. Просто завтра утром она должна была сдавать наставнице очередной экзамен и очень волновалась. Не потому, что чего-то не выучила, такого с ней никогда не бывало, к учебе она всегда относилась серьезно и все, что ей следовало знать, знала отлично. Но все равно переживала перед каждым экзаменом — из-за чрезмерно развитого чувства ответственности.

Послonyaвшись по комнате и поняв, что заснуть все равно не получится, Тереза решила не тратить время понапрасну.

Она заварила себе крепкого хинского чаю, села за стол и углубилась в толстую книгу по медицине, чтобы повторить еще раз способы наложения швов. Как раз из-за них она переживала особенно — ей все время казалось, что она обязательно какой-нибудь способ забудет.

А вот его величество король Органа Шеллар III не переживал ни о чем. Он вообще не был склонен к излишним душевным терзаниям, и поколебать его спокойствие могло разве что нечто совсем из ряда вон выходящее. Да и то он первым делом не переживать бы стал, а конструктивно и плодотворно размышлять над практическим решением проблемы. Единственным, что могло расстроить его величество, было зеркало, но в настоящий момент его рядом не было.

...Так тоже бывает. Тебе тридцать два, и ты — король. Пусть твоя власть не абсолютна и не безгранична, но все же ты повелитель довольно крупного государства. В твоей власти казнить и миловать, начинать и прекращать войны, раздавать и отбирать титулы и земли и многое другое, но есть кое-что, чего ты никаким образом не можешь изменить при всей полноте своей власти, и это «кое-что» каждый день смотрит на тебя из зеркала.

Есть вещи, неподвластные и королям...

Его величество сегодня тоже не спал, но вовсе не потому, что ему что-то мешало, просто он вообще спал мало — четырех часов в сутки вполне хватало для того, чтобы нормально жить и работать. А поскольку к полуночи все государственные дела были закончены и два валящихся с ног секретаря милостиво отпущены спать, король в виде отдыха играл в шахматы со своим придворным магом Истраном. Шахматы появились в королевстве недавно, и никто так толком и не понял, кто и откуда их завез. Грешили на самого Шеллара III, так как, во-первых, все следы обрывались на нем, а во-вторых, он очень полюбил эту игру и пытался распространить ее при дворе. К сожалению, кроме мэтра Истрана, достойных соперников у него не нашлось. Кто-то, правда, видел, что король якобы играл в шахматы со своим шутом, но вряд ли его величеству удалось добиться от разгильдяя Жака большего, чем от своих министров и прочих придворных.

— Как поживает малыш? — поинтересовался король, пе-

реставляя ферзя.— Я так давно уже с ним не общался из-за всей этой канители с орденом Десницы господней... Времени не было.

— Вы имеете в виду принца Мафея? — уточнил мэтр Истран.— Как обычно. Я иногда просто не знаю, что с ним делать. Воспитание его высочества было крайне запущено еще в детстве. Когда он попал в мои руки, я сделал все, что мог. К счастью, мальчик был еще слишком мал, чтобы успеть озлобиться на весь мир, и не превратился в мстительное безнравственное существо, что было бы угрозой для всего мира, учитывая его могущество. Принц Мафей добродушный и порядочный парень, он никогда не станет сознательно приносить какой-либо вред. Но его рассеянность, безответственность и несерьезность, с которыми не могу справиться даже я, вполне могут когда-нибудь...

— Да ладно вам,— усмехнулся король.— Никогда не замечал за ним склонности к злобе и безнравственности. Был добрый и славный ребенок, и вырос нормальный парень. А вот разгильдяем он был всегда. Им и остался. Может, с возрастом остепенится. Вы же сами говорили, что с эльфами это происходит годам к ста...

— Поверьте, ваше величество, этому миру очень повезло, что малыш не успел дойти до мысли, что, когда тебя обижают, можно дать сдачи. Что же касается его разгильдяйства, то, по-моему, он достаточно взрослый, чтобы соображать, что делает! Неужели трудно понять, что обладание такой Силой накладывает определенные ограничения!

— Поверьте, мэтр, в пятнадцать лет — очень трудно! Все дети во все времена нарушали запреты просто потому, что им хочется. Кто-то курит в укромном уголке, кто-то лазит к девчонкам в окно, а кто-то пробует колдовать в меру сил.

— Вот именно — в меру! А если не в меру? Я множество раз запрещал ему тащить из других миров что ни попадя, объяснял, что это может быть опасно. И вы объясняли. И Жак объяснял. На конкретных примерах. И без толку.

Король вздохнул, снова переставил ферзя и сообщил:

— Вам мат, мэтр Истран.

— Мат так мат,— равнодушно согласился маг и стал складывать фигуры в коробку.— Пойду я, ваше величество, по-

смотрю, что там делает наш принц Мафей. А то на душе у меня как-то беспокойно.

Вышеупомянутый принц Мафей тоже, разумеется, не спал. Грех было не воспользоваться тем, что наставник ушел пообщаться с королем, и не пошарить быстренько где-нибудь в других мирах. Принц не мог понять, почему все так и стремятся запретить ему это замечательное развлечение и как до них не доходит, насколько это действительно интересно! Мафей был уверен — когда-нибудь ему попадет-ся что-то столь необыкновенное, что непонятливые взрослые сразу увидят, как были неправы! А еще он втайне мечтал, что в один прекрасный день выдернет из какой-нибудь смертельной опасности девушку своей мечты и она тут же его полюбит...

Правда, он еще плохо представлял себе эту самую девушку, но был уверен, что поймет, когда увидит. Во всяком случае, предполагаемая мечта должна быть прекрасна (а как же иначе!), не обременена предрассудками, будто секс на первом свидании — свидетельство безнравственного поведения, и уж конечно при общении с его высочеством она должна с интересом поддерживать разговор о магии, а не интересоваться формой его ушей и не пытаться их пощупать. Ибо нездоровый интерес к его ушам раздражал принца с самого детства. Ну выросли они длиннее, чем у людей, и заостренные кончики обязательно торчат из-под волос, как эти волосы ни начесывай,— и что, так уж необходимо на них пялиться? Коль уж на то пошло, он и не должен быть похож на других людей, хотя бы потому, что он и не человек вовсе... ну, не совсем человек, если точно.

Юноша уселся на пол, скрестив ноги и вытянув руки перед собой, и сосредоточился. По правилам следовало четко представлять себе, что именно ему надо, и мысленно дотянуться до искомого объекта, но на самом деле он никогда этого не делал. Намного интереснее было схватить что-то неизвестное и потом долго изучать, представляя себе, что бы это могло быть и для чего это можно использовать. В этом и заключалась вся прелесть «слепой охоты», и ради этого, собственно, и нарушались строгие запреты наставников.

Принц закрыл глаза, позволив сознанию свободно плавать где-то в межпредельном пространстве, ни на чем определенном не фиксируясь, и стал ждать радостного момента, когда в руки ляжет неведомое «что-нибудь».

И еще один человек не спал в эту ночь, хотя он не имел никакого отношения к королевству Ортан и находился от него очень и очень далеко, в Зеленых горах, на севере сопредельной Мистралии. Он внимательно читал наспех сшитую тонкую тетрадку и недовольно ворчал себе под нос заковыристые ругательства. Чуть поодаль сидела девушка в мужской одежде и угрюмо поигрывала тонким кинжалом.

Бывает еще... впрочем, ни бурная биография, ни служебные секреты профессионального убийцы не годятся для публичного обсуждения, так что не стоит на них подробно останавливаться. Как бывает, так и бывает. Не наше это дело, и соваться в него — себе дороже выйдет.

— Кончай материться,— сказала наконец девушка.— Надоело.

— Ты это читала? — спросил мужчина, кивая на рукопись.

— Читала. Согласна, дерьмо. Интересно, кто эту легенду составлял?

— Полагаю, лично полковник Сур. Лучше бы специалистам поручил. Да и подобрали нас, должен сказать, неудачно. Нашли тоже любящих супругов...

— Думаешь, мне это приятнее, чем тебе?

— Не приятнее, а проще.— Мужчина с крайне недовольным видом захлопнул тетрадь.

— И чем же? — с легкой угрюзой в голосе поинтересовалась девушка.

— Тем, что тебе необязательно изображать страстную любовь, тем более что ты этого не умеешь и не сможешь. Люди просто подумают, будто тебя против твоей воли выдали замуж, только и всего. Это сплошь и рядом случается. А вот мне придется корячиться по полной программе. Во-первых,— он начал загибать пальцы,— я должен быть влюблен, раз я тебя добился даже против твоего желания. Во-вторых, я должен быть достаточно безнравственным, раз принудил

девушку к браку. В-третьих, я либо полный придурок, раз не вижу, как ты ко мне относишься, либо полная скотина, если вижу, но для меня это не трагедия, а просто повод показать, как я умею укрощать строптивых девиц.

— Ну вот и станешь полной скотиной. Тебе это не так уж трудно будет изобразить. Только имей в виду, если ты начнешь меня укрощать на самом деле...

— Не будь душой. Не на самом деле, конечно, но если нам понадобится уверить окружающих, что я тебя бью, будешь как миленькая кричать, плакать и просить пощады. И на следующий день всем жаловаться. А о том, что ты можешь дать мне сдачи, на время операции забудь. Ты не убийца Саэта, а донья Маргарита, благовоспитанная девушка из хорошей семьи. Бедной, но честной.

— Отвратительно,— с чувством сообщила девушка.— Унизительно и гнусно.

— Это еще не самое страшное,— вздохнул предполагаемый безнравственный муж.

— А что самое?

— То, что моя репутация негодяя может нам сильно помешать в поисках. Понимаешь? Негативное отношение окружающих...

— Понимаю. А что можно сделать?

— Можно подобрать другой вариант. Я человек, в общем, неплохой и действительно тебя люблю, а ты согласилась выйти за меня замуж в надежде, что стерпится-слюбится. И мы честно пытаемся притереться друг к другу. Но эта версия потребует от тебя немного больше усилий.

— А от тебя — меньше.

— Несравненно. Отрицательные роли всегда труднее. Если хочешь, давай поработаем с одним и с другим сценарием, потом сравнишь.

Девушка кивнула и сказала:

— Знаешь, сначала мне даже не хотелось охотиться за этой ведьмой. Я считала, что ее жертвы полностью заслужили свою печальную участь, но, так сказать, долг есть долг и приказ есть приказ. Но теперь... когда я поняла, что мне реально предстоит... я бы ее голыми руками удавила.

— Похвальное стремление. Только не забудь, что убить ее — дело второе. А первое — деньги вернуть.

— Послушай,— обиделась девушка,— я не хуже тебя знаю инструкции и не хуже тебя умею их выполнять.

— Разумеется, — криво усмехнулся мужчина. — Тебе же, наверное, уже рассказали, что инструкции — мое слабое место. Я никогда не питал к ним почтения и нарушаю при каждом удобном случае. Так что выполнять инструкции ты уж точно умеешь лучше.

Заметив краем глаза постороннее облачко посреди библиотеки, Элмар поднял голову и стал наблюдать, как из серого тумана возникают перепуганная физиономия и умоляющие глаза сводного брата Мафея. «Опять чего-то натворил»,— недовольно подумал Элмар, понимая, что сейчас ему придется оставить свое уютное кресло и топтать решать братишкины детские проблемы.

— Что ты опять натворил? — со всей возможной строгостью спросил он, когда Мафей материализовался полностью.— Опять что-то выудил и не знаешь, что с ним делать?

— Не что-то,— жалобно отвечивал непутевый брат.— Кого-то.

— А шишка на лбу — это последствия общения с «кем-то»? Рассказывай.

— Пойдем, я тебе по дороге расскажу,— тяжело вздохнул принц Мафей.— А то она полдворца перебудит...

— Начинай,— скомандовал Элмар.— Не пойду же я в халате и тапочках.

Он принялся не спеша натягивать сапоги, а братец занялся, не зная, как начать.

— В общем, я выудил девушку...— промямлил он наконец.

— Живую-здоровую? — уточнил Элмар. Согласно законам мироздания из любого мира можно было изъять только то, что в ближайшую минуту и так прекратит существование, поэтому люди, которые попадались в руки Мафею чуть ли не чаще, чем вещи, обычно умирали на месте, так как спасти их было уже поздно. В живых оставались только те, кому в ближайшую минуту предстояла смерть неожиданная

и мгновенная. И появление нового целехонького переселенца всегда было событием, заслуживающим особого внимания.

— Здоровее некуда! Это она мне шишку поставила! Я не успел и рта раскрыть, как она крутнулась, ухватила первое, что под руку попало, и с криком: «Я тебе покажу, маньяк, извращенец сопливый!» — засветила мне между глаз так, что искры посыпались. Я с перепугу телепортировался не глядя, попал в чью-то спальню... оттуда уже к тебе.

— Что ж, поздравляю, — усмехнулся Элмар. — Как и предрекал мэтр Истран, ты наконец нарвался. А если бы это была не девушка, а воин, который в пылу сражения как раз хорошенько замахнулся мечом?

— По-моему, она и есть воительница. Она так одета... ну в штанах, в башмаках... Пошли скорее, там дверь, конечно, заклиниванием запечатана, но вдруг она ее выломает и побежит по дворцу... Еще убьет кого-нибудь.

— Н-да, — хмыкнул принц-бастард. — Какая жалость, что ей не попадется по пути господин Хаббард, которого с некоторых пор не пускают во дворец...

Он застегнул походную куртку, которую накинул для скорости — на камзоле было много лишних застежек, — и сообщил, что готов.

— Ага... — сразу занервничал Мафей и стал разминать пальцы, перед тем как колдовать. — А куда? Прямо в мою комнату?

— Да нет, пожалуй, лучше в коридор. Я с ней через дверь поговорю. Не хватало, чтобы первый паладин его величества дрался с разгневанной девчонкой. Ну давай.

Элмар приобнял брата за плечи, тот сделал несколько пассов, и вокруг них сгустилось пушистое, серое, как зайчик, облачко. А когда оно рассеялось, братья уже стояли у запертой комнаты принца Мафея. Было отчетливо слышно, как за дверью кто-то яростно ковыряется в замке, ругаясь вполголоса.

Элмар сделал два шага к двери и аккуратно постучал. Скрежет и ругань прекратились — видимо, девушка все же не настолько была разгневана, чтобы совсем забыть об осторожности.

— Сударыня,— как можно вежливее начал Элмар,— я прошу меня простить за то, что нарушил ваше уединение, но не будете ли вы так любезны впустить меня в комнату?

— Видите ли... Я не знаю, как открыть дверь,— растерянно отозвались изнутри.

— Это не проблема, я сейчас открою, только умоляю вас не бросаться на меня с тяжелыми предметами и выслушать мои объяснения. Вам здесь абсолютно ничего не грозит.

— А где я, собственно?

— В королевском дворце, в комнате принца Мафея, весьма безалаберного юноши, который столь безответственно балуется с высшими силами.

— Входите,— решительно сказала девушка.— Но учтите, у меня есть газовый баллончик.

Элмар кивнул на дверь.

— Открывай. И немедленно сообщи обо всем Шеллару и мэтру Истрану.

— Как! — в ужасе воскликнул Мафей.— Я надеялся, что ты им сам скажешь!

— Будь мужчиной. За свои поступки следует отвечать. Выволочку от наставника ты заслужил, так иди и получи ее. Или ты хочешь, чтобы эта дама, которую ты насмерть перепугал, испробовала на тебе свое загадочное оружие? В таком случае ступай к ней, а я пойду к королю. Тогда выволочку от мэтра Истрана ты все равно получишь, только позже.

Мафей насупился, шелкнул пальцами и хлопнул ладонью по замку. Потом печально направился прочь — получать обещанную выволочку. А Элмар степенно одернул куртку, поправил волосы и легонько толкнул дверь.

Добыча шкодливого братца стояла у дальней стенки и настороженно зыркала на его высочество из-под соломенной челки. Девица действительно сильно смахивала на воительницу в своих светло-голубых штанах, тяжелых ботинках и куртке из черной кожи, с коротко подрезанными волосами, собранными на затылке в куцый пучок. Однако воительницей она не была, это Элмар определил сразу — по манере двигаться, по неспособности выбрать стратегически правильную позицию в комнате и по тому безмолвному вос-

торженному интересу, который мгновенно возник в ее глазах при виде красавца мужчины.

А принц-бастард Элмар был действительно недурен собой, как уже упоминалось, и от недостатка женского внимания никогда не страдал. Скорее от избытка — так что этот самый восторженный интерес был ему отлично знаком. Разве что подруги-воительницы воспринимали его не как возможного жениха, а как брата по оружию, и восхищение в глазах молоденьких учениц относилось не к прекрасным глазам принца, а к его геройским подвигам, которым девочки отчаянно завидовали и мечтали непременно повторить, а то и переплюнуть. Прочие же молодые дамы, да и вообще девицы всех сословий... ох, лучше не надо...

— Принц-бастард Элмар, первый наследник короны Ортана, — церемонно представился он, кланяясь согласно этикету. Пришелица, разумеется, не могла знать этикета, но он еще не настолько был пьян, чтобы совсем забыть о королевском воспитании.

— Меня... меня зовут Ольга. — Было видно, что девушка озадачена и растеряна, но в обморок падать не собирается. И имя у нее было самое что ни на есть воинское, похожее на лязг металла. А титулов, разумеется, не имелось.

— Прошу вас, присядьте вот в это кресло, — предложил Элмар, — и побеседуем. У вас, наверное, ко мне масса вопросов.

Едва свернув за угол, принц Мафей нос к носу столкнулся со своим наставником и с августейшим кузеном, которые решили пройтись по дворцу вместе.

— Так-так, — сурово произнес мэтр Истран, нахмутив седые кустистые брови. — Что мы здесь делаем посреди ночи, молодой человек?

— Я... я вас ищу, — честно выдохнул ученик и опустил глаза, ожесточенно ковыряя сапожком мраморную плитку пола. — Я... У меня там...

— Понятно, — вздохнул король. — Опять труп посреди комнаты. Опять ковер придется чистить заново. Что, на этот раз Элмар отказался таскать и закапывать в саду результаты твоих экспериментов?

— Нет... то есть... там живая девушка. Элмар с ней беседует.

— Почему с ней беседует Элмар, а не служба адаптации?

— Я забыл... Я испугался... Она меня стала бить, и я...

— Мэтр Истран,— посуровел король,— разберитесь, пожалуйста, с этим безобразием. А меня телепортируйте к...— Он покосился на принца и уклончиво закончил: — Сами знаете куда. А его высочество пусть отправляется в мою спальню и ложится в постель. С ним мы завтра разберемся, с этим великим магом, избитым девушкой.

Принц, стгорая от стыда, бросился прочь, в сторону королевской опочивальни. Мэтр Истран изящно встряхнул кистями рук и спросил:

— А назад вы как доберетесь, ваше величество?

— Не заблужусь же я в собственной столице. Тут недалеко.

— И думать не смейте ходить ночью по городу без охраны, да еще в такое время.

— Хорошо, хорошо,— не стал спорить король.— Свяжитесь со мной минут через двадцать и заберете меня обратно. Или пришлете кого-нибудь из подчиненных.

Мэтр неодобрительно покачал головой и легким мановением руки очертил вокруг короля невидимый полукруг.

Спустя пять секунд его величество материализовался посреди гостиной своего шута. В доме было темно, но наверху в спальне слышались невнятные сдавленные звуки. «Опять, наверное, у Жака дама...— недовольно подумал король.— И стоит мне войти, непременно окажется, что это моя нынешняя фаворитка... В самом деле, чем Алиса хуже прочих? Что они все к нему липнут? Сейчас войду, опять скандал будет. При дворе разговоров на целую луну. Да и свинство, конечно, стаскивать человека с дамы и заставлять работать посреди ночи...»

Делать, однако, было нечего, не зря же он, в конце концов, пришел. Король поднялся по лестнице и громко постучал в дверь спальни, давая неверной фаворитке возможность спрятаться и избежать скандала, однако вместо ожидаемой панической суеты из спальни донесся душераздирающий вопль. Поняв, что дамой тут и не пахнет, а с Жаком

произошло что-то серьезное, король быстро расстегнул верхние крючки камзола и достал из подмышечной кобуры безотказный и очень дорогой лондрийский пистолет — последнее чудо техники, популярное среди спецслужб всех государств. Затем решительно пнул ногой дверь и ворвался в комнату, водя стволом вокруг. Ни одного врага он не обнаружил. Только в дальнем углу кто-то невнятно пискнул и начал медленно оседать на пол.

— Тьфу ты! — Его величество неторопливо убрал пистолет в кобуру и включил осветительный шар. — Жак, что происходит? Я уже решил, что тебя тут убивают!

— Я тоже... — чуть слышно донеслось из угла. — Ну вы меня и напугали...

— Чем? Стуком в дверь? Что с тобой происходит? Почему ты сидишь в углу совершенно голый среди кучи раскиданных окурков и от тебя на всю комнату разит самогоном? Отчего вопишь, как ненормальный? У тебя с головой все в порядке?

— Нет. — Жак выбрался из угла и потянул на себя халат. Король понаблюдал, как он пытается попасть в рукава, и покачал головой:

— Это заметно. Пойдем спустимся в гостиную, ты соберешься с мыслями и объяснишь мне, что происходит.

— Хорошо, — покорно кивнул шут, запахнул наконец халат и поплелся к лестнице.

Он не стал включать свет в гостиной, только зажег свечу, поставил ее на стол и приглашающе махнул рукой. Потом полез в буфет и добыл оттуда изрядную бутылку с самогоном.

— Вам налить? — тихим, бесцветным голосом спросил он.

— Немного, — кивнул король, уселся в кресло и стал, не торопясь, набивать трубку. — Просто чтобы тебе не пить одному.

Жак с сожалением посмотрел на кружку, потом достал из буфета две рюмки и тарелку с сыром.

— Давай я сам налью, — сочувственно предложил Шеллар. — А то у тебя руки трясутся.

Шут измученно кивнул и опустился в кресло. Король подождал, пока он выпьет и отдышится, потом спросил:

— Итак, что случилось?

— Да, в общем, ничего... реального. Пока. Мне просто приснился кошмар.

— И как часто с тобой такое бывает?

— Бывает... Может, не стоит об этом говорить? Мне уже лучше.

— Стоит. Ты в последнее время стал странно себя вести. Тебе что, постоянно снятся кошмары? И давно?

— Нет.

— Ты знаешь почему? Может, кто-то на тебя порчу навел?

— Нет, не поэтому...— Жак вздохнул и признался: — Мне рассказали про сон Мафея.

В лице короля немедленно появилось что-то жесткое и недоброе; в светлых, почти бесцветных глазах засветился ледяной гнев.

— Кто? — кратко спросил он.— Кто посмел?

— А почему вы так сердитесь? Да кто угодно. Какая разница.

— Я запретил. Я хочу знать, кто посмел меня ослушаться. Знали только Мафей и мэтр Истран. Разумеется, Мафей.

— Знали все слуги и все придворные,— криво усмехнулся Жак.— Если для вас так важно, мне сказала графиня Монкар. Ваша официальная фаворитка, которая в пластмассовом браслете выпендривается и цены себе не сложит. Я не оправдал ее надежды, и она мне таким образом отомстила. Очень действенно, надо сказать.

— Бессовестная жестокая стерва! — выругался король. — Я был о ней лучшего мнения. Чем же ты так ее обидел? В постели не уважил? Кстати, раз уж зашел об этом разговор, наведи хоть какой-то порядок в своей личной жизни и постарайся исключить из нее моих фавориток. Мне не жалко, но получается некрасиво.

— Я понимаю,— вздохнул непутевый шут.— Но они такие красивые бабы, что иногда не хватает сил отказаться.

— Можно подумать, они тебя откровенно домогаются.

— Нет, они аккуратно соблазняют. А они, заразы, такие соблазнительные...

Король слегка наклонил голову и уставился на своего шута с откровенным любопытством.

— Послушай, Жак, ты можешь объяснить, почему они так к тебе липнут? Не сочти это за упрек, мне просто интересно. Им что там, медом помазано? Ты, конечно, симпатичный парень с хорошо подвешенным языком, и я охотно понимаю, почему по тебе сохнут юные горожаночки, но мои придворные дамы?.. Графиня Монкар, герцогиня Дварри, холодная красотка Эльвира и прочие высокородные шлюхи, которые и не глянут на мужчину, если он не богатый влиятельный аристократ в тридцатом колене... Что они в тебе находят, что их заставляет прыгать к тебе в постель, едва успев выбраться из моей? Чем ты их так привлекаешь?

— Тем же, чем и вы,— лукаво задрал бровь Жак. Видно было, что он уже оправился от своих кошмаров и снова становится самим собой — веселым, ироничным и улыбочивым.

— Я? — нахмурился король.— Не морочь мне голову, я отлично знаю, как ко мне относятся мои придворные дамы. Они строят мне глазки, они добиваются моего внимания, они спят со мной, стоит мне только этого пожелать, нагло льстят в глаза, пытаюсь скрыть, как я им противен... и за глаза называют уродом. Женщинам нравится золото, нравятся платья, нравятся драгоценные украшения и положение в обществе. Вот что их ко мне привлекает. Дорогие подарки и статус королевской любовницы. И при чем тут ты?

— Вы пропустили самое главное! — засмеялся Жак.— Больше всего их привлекает ваша корона. Они безумно хотят себе такую же.

Король вполголоса выругался. За пять лет правления его так часто донимали разговорами о браке и семье, что он успел приобрести стойкое отвращение к этой теме. Шеллар III был убежденным холостяком и приходил в ужас от одной мысли, что ему рано или поздно придется обзавестись королевой. А все, кому не лень, считали своим долгом напоминать ему о том, что династии необходим наследник. И по пять раз на день.

— Они знают, что ты пользуешься моим расположением,— сделал вывод король,— и пытаются у тебя выведать, как этого можно добиться? Интересно, и что они надеются услышать? Ты же не женщина, ты просто мой друг.

— Видите ли...— Жак вздохнул и как-то посерьезнел.—

Они каким-то образом узнали о том, что была одна женщина, к которой вы относились совсем иначе, чем к другим. Понятия не имею, откуда им это известно. Но каждая ваша новая фаворитка, поимев честь перепихнуться с вашим величеством, обязательно приходит ко мне в надежде расколоть меня на предмет того, какой была эта женщина и что вы в ней нашли. Чтобы практически использовать эту информацию для завлечения вас.

— И что ты им говоришь? — любопытно спросил король.

— А что я могу сказать? Я свечку не держал. Вы со мной на эту тему не откровенничали вопреки ожиданиям наших дам. Я им разные вещи говорю. От настроения зависит. Иногда откровенно вру какую-нибудь несусветную чушь, иногда признаюсь, что не знаю...

— Постой-ка, — спохватился Шеллар III, — это после твоих полезных советов герцогиня Дварри пришла ко мне, разрисовав лицо красками, с перьями в волосах, и, отдаваясь, завывала, как кошка в Голубую луну?

Жак тихо захихикал, что вполне тянуло на положительный ответ.

— Спасибо, — с чувством произнес король. — За то, что так стараешься разнообразить мою скучную жизнь. Хорошо, что это был я. Любой нормальный человек остался бы импотентом до конца своих дней.

Жак захохотал вслух.

— Ну разве я знал, что она такая дура? — простонал он. — Я же не думал, что она это воспримет всерьез и в точности выполнит... А что, это было так страшно?

— Ну чтобы напугать меня, этого явно недостаточно. А графине Монкар тоже ты сказал нечто подобное? За что она так на тебя обиделась?

— Нет. — Жак перестал смеяться и серьезно объяснил: — Она меня так достала, что я ей откровенно нахамил. Я сказал, что та женщина не облизывалась на вашу корону. Графиня, видимо, считала себя невообразимо умной и тонкой интриганкой и неотразимой женщиной, и то, что я так запросто раскрыл ее гениальные замыслы и неодобрительно о них высказался, ее очень огорчило.

— Алису я завтра отставлю, — задумчиво сказал король. —

Не то чтобы я хотел ее наказать, но после такого свинства я не хочу иметь с ней дела. Я как-то надеялся, что она хоть немного лучше прочих. Умнее, по крайней мере. И то, что она всего лишь лучше других умеет льстить, лгать и притворяться, для меня огромное разочарование. А тебя я попрошу... Лучше говори всем, что не знаешь. Я не хочу, чтобы по двору ходили новые сплетни.

— Хорошо,— кивнул Жак.— Я понял.

— А теперь относительно твоих кошмаров... Кстати, почему ты сразу не сказал?

— Зачем? Вы мне ничем не можете помочь. Только зря расстроитесь.

— Я могу, например, прийти к тебе в гости среди ночи, выпить с тобой и развлечь беседой. Ты ведь делаешь для меня то же самое, почему я не могу? Когда до тебя дойдет, что я не только твой король, но и твой друг? Я никогда не скрываю от тебя своих проблем. Почему ты сидишь один в своем углу и трясешься по ночам? Ты же с ума сойдешь в одиночестве. Хоть бы любовницу себе завел, что ли...

— Кстати,— вспомнил Жак.— Ваше величество, а почему вы пришли? Не в гости же вы собрались среди ночи, когда я вроде бы сплю, и, возможно, даже не один? Какое-то срочное дело?

— Какое теперь может быть дело? Какой из тебя работник? Отдыхай, сами разберемся. Давай я к тебе кого-нибудь пришлю, чтобы ты не сидел один.

— И я должен буду этому «кому-то» объяснять, что со мной происходит?

— Нет,— засмеялся король.— Просто в присутствии постороннего человека тебе станет стыдно бояться, и ты сразу придешь в себя.

— Мне уже стыдно,— сокрушенно вздохнул Жак, обтирая ладонью лицо.— Но все равно страшно. Откуда он взялся, этот мистралиец? Я так и знал, что они меня найдут.

— Успокойся, в подвалы ты больше не попадешь. Во сне не было никаких подвалов. Я расспросил Мафея подробно, насколько возможно.

— А что там было, если в подробностях?

— Во-первых, стол. Обычный большой длинный стол,

покрытый вышитой скатертью. На столе тарелки и блюда. Во-вторых, ты. Ты лежишь на столе, без сознания, весь в крови. Однако ни одной конкретной раны Мафей не видел, а только кровь, причем он настаивает, что ты был в ней весь, как будто тебя облили из ведра. И в-третьих, незнакомый мистралиец, который склонился над тобой и хлестал тебя по лицу. Именно хлестал раскрытой ладонью, не бил. Может, он просто пытался привести тебя в чувство. Молодой, приятной наружности, типичный мистралиец — смуглый черноглазый брюнет. Волосы длинные, растрепанные, черная куртка, белая рубашка, оружия нет. Знаешь, Жак, чем больше я об этом думаю, тем больше это похоже на обыкновенную кабацкую драку, не имеющую никакого отношения к твоим кошмарам. И совершенно необязательно тебя должны убить. А кровь может быть чья угодно. Ты вспомни, как было с Элмаром. Ничего, до сих пор жив и здоров. Так что твои страхи и переживания, на мой взгляд, напрасны и необоснованны. Достаточно всего лишь осторожнее себя вести и не ходить по кабакам. А еще стоит поговорить с мэтром Истраном. Может, он тебе еще что-нибудь посоветует. И кстати, действительно, почему ты не заведешь любовницу?

— Смеетесь? У меня их постоянно от четырех до семи.

— Я имею в виду другое. Не мимолетные, ни к чему не обязывающие связи, а что-то более серьезное.

— Я люблю Терезу. Вы разве не знали?

— Знаю. Но неужели в надежде достучаться до ее сердца ты наглухо закрыл свое собственное для других женщин? Это ведь может растянуться на долгие годы. И даже закончиться ничем. Например, она честно скажет тебе, что твои старания бесполезны, вступит в какой-нибудь орден, принесет обет целомудрия...

— Ваше величество, хватит меня пугать! Вы как скажете иногда... Тереза тоже меня любит, но... как бы вам сказать... в общем, как умеет.

— То есть по-христиански? Как ближнего? — невесело усмехнулся король.

— Нет, сильнее. Но как-то платонически. Не получается у нее большего. Не может. А касательно обета целомудрия коллеги-целители, которые мистики, растолковали ей популяр-

но, что для нее это не имеет смысла. Давая обет, человек отрекается от чего-то, что ему нужно, а в ее случае это будет что-то вроде «на тебе, боже, что мне негоже». Пустой обет получится, если отречься от того, что тебе самой противно.

— Понятно. И долго это у вас тянется? Года полтора, если не ошибаюсь? А прогресс есть?

— Есть.

— Ваше величество! — раздалось откуда-то из-под потолка. — Какие будут указания?

Жак тихо вскрикнул от неожиданности.

— Это мэтр Истран, — успокоил его король и распорядился: — Мэтр, еще пять минут, и пусть за мной кто-то явится. А вы там займитесь, пожалуйста, нашей гостьей. Жак не придет, он плохо себя чувствует, а Элмар не особенно хорошо разбирается в таких делах.

— Жаку моя помощь не нужна? — тут же спросил маг.

— Не срочно. Вполне подождет до завтра.

— Тогда я буду заниматься, а вы не задерживайтесь.

Голос под потолком смолк.

— Жак, нервы у тебя никуда не годятся, — укоризненно сказал Шеллар. — До чего ты себя довел? Следовало обратиться к кому-нибудь сразу, как только это началось.

— Как-то неудобно было... — развел руками шут.

— Неудобно дракона трахать — хвост мешает, — сердито ответил король и спрятал трубку в карман. — Что ж, пойду подумаю, как оградить тебя от домогательств потенциальных королев.

— Очень просто, — посоветовал Жак. — Женитесь наконец, и они от нас сами отстанут.

— Сам женись, — огрызнулся король. — Как вы меня достали! И ты туда же! Тебе-то какое дело?

— А вы разве не знаете? — Жак посмотрел на короля и вздохнул: — Наверное, не знаете. Наверное, у благовоспитанного господина Флавиуса не поворачивается язык вам доложить.

— О чем?

— Что при дворе всюю болтают, будто я ваш любовник. Оттого вы, дескать, и пренебрегаете женщинами — посещаете своих фавориток раз в две недели для порядку. Только не

уточняйте, кто именно, — это тот случай, когда болтают все, а источник установить уже нельзя.

— И тебя это очень огорчает?

— А вас?

— Мне как-то безразлично, — пожал плечами король.

— А вот мне нет. Потому что мне, разумеется, отводят пассивную роль. И, кроме того, поскольку все знают, что я женщинами не пренебрегаю, считается, что я вас ублажаю из корысти и подхалимства. Вам было бы приятно, если бы о вас так думали?

— Обо мне думали все, что только может вообразить человеческая фантазия, даже нездоровая. — Его величество слегка помрачнел, видимо вспомнив некоторые избранные шедевры нездоровой человеческой фантазии. — Так что теперь, из кожи вон лезть, чтобы доказать неизвестно кому, что ты не... верблюд, так, кажется, называется это животное? Извини, подобные попытки что-то доказать я полагаю ниже своего достоинства. А что касается дурацких слухов, на этот счет есть одно хорошее правило. Чем больше внимания ты им уделяешь, чем агрессивнее ты на них реагируешь, тем охотнее люди будут в них верить.

На этом месте разговор был прерван требовательным стуком в дверь, и бедный Жак, вместо того чтобы что-то возразить на последние слова его величества, испуганно вскрикнул, съезжился в своем кресле и посмотрел с некоторой опаской на дверь, затем виновато на короля.

— Жак, так же нельзя, — укоризненно заметил тот, между делом расстегивая верхние крючки камзола. — Я понимаю, человек может бояться. Сам я не умею, но примерно представляю. Ну ладно, ты боишься того, кто за дверью, и мне понятно твое нежелание ее открывать, но вот зачем при этом издавать такие крики, я понять не могу... Кто там?

— Это я, — откликнулся женский голос. — Жак, открой.

Жак, мгновенно забыв о своих страхах, сорвался с кресла и бросился к двери.

— Тереза? Что случилось? Ты пришла одна, ночью, пешком?

Это действительно была Тереза. И мало того что она пришла одна и пешком. Она бросилась к Жаку, и они обня-

лись, чем повергли в изумление его величество, которого трудно было чем-либо удивить. А Тереза, даже не обратив на него внимания, взволнованно объяснила:

— Я не знаю... Я сидела, занималась... И тут меня словно подбросило... Я почувствовала, что с тобой что-то случилось... Знаешь, с некоторых пор я чувствую такие вещи... Не знаю, почему... мистики говорят, что...

— Здравствуйте,— сказал наконец Шеллар. Только тут девушка его заметила и опомнилась. К счастью, на этот раз она была настолько удивлена, увидев его среди ночи в доме Жака, что забыла испугаться.

— Ой... Добрый вечер, ваше величество...— Она сделала полагающийся реверанс и недоуменно перевела взгляд на Жака.— Что все это значит?

— Ничего-ничего,— поспешил успокоить ее король.— Я сейчас удалюсь и не буду вам мешать. Поговорите, разберитесь...

Жак пододвинул девушке кресло, в задумчивости прошелся по комнате и вдруг спросил:

— Ваше величество, вы не будете возражать, если я расскажу Терезе все?

— Все — это что именно?

— Все. Что со мной происходит, каковы причины этого, чего я боюсь, кто я такой и почему меня среди ночи можно застать распивающим самогон в обществе короля... И все такое. В конце концов, мы с ней не чужие, и она имеет право на ответную откровенность с моей стороны.

Король пожал плечами:

— Решай сам. Это твоя тайна. Не моя. Ты постоянно трясешься и боишься, не я. И в случае чего мне грозит только продолжительный период скорби по доброму другу, а тебе необдуманная откровенность может стоить жизни. Если ты уверен, что тайна будет сохранена...

— Можете быть уверены,— серьезно пообещала Тереза, которая конечно же не желала Жаку неприятностей подобного масштаба и в отличие от него не страдала особой болтливостью.

— Тогда я пойду оденусь,— сказал Жак и направился в спальню.

Всяко оно, конечно, бывает, но чтобы так... Чтобы из смертельных объятий маньяка в одну секунду — прямым в какой-то там дворец... Это уже, знаете ли, психушкой отдаст. Вот только что тебя держали за горло и заносили над тобой нож, и вдруг вместо темноты родных улиц — незнакомая комната, освещенная неестественным желтоватым светом, вместо таинственного злодея — незнакомый мальчишка, который сидит напротив и крепко держит тебя за руки, так что вырваться получается только со второго раза, да и то потому, что он сам испугался и руки отпустил. Не надо было, конечно, на него с доисторическим мослом кидаться, может, он и не хотел ничего плохого, но с перепугу же не думаешь, что делаешь. Только когда бедный пацан в панике слинял с такой скоростью, словно на месте испарился, до Ольги вдруг дошло, что уши-то у парнишки... того...

Тут-то ее и посетила мысль насчет психушки. Не иначе у нее все-таки сорвало крышу от испуга после свидания с маньяком... хотя стоп, если бы это правда был тот маньяк, о котором говорят, фиг бы она жива осталась, а раз крышу сорвало, значит, все-таки жива. Может, это и не маньяк был вовсе, а так, шпана местная подшутить решила? Нет, так не пойдет, одернула она сама себя, от таких размышлений последние остатки мозгов повторно перекосит. Надо спокойно сесть, оглядеться и разобраться, что тут к чему...

Может, ее просто похитили? Непонятно, конечно, зачем, у родителей ни денег нет, ни вообще ничего ценного, а версия насчет торговли живым товаром не выдерживает никакой критики. Разве что не разглядели в темноте, какая она красавица, или с кем-то перепутали... Да ну ерунда какая, кому она, на фиг, нужна, хватать ее на улице, как будто мало на свете девчонок, которых и хватать не надо, сами согласны...

Только что же все-таки значит это непонятное перемещение, и сколько прошло времени, и где она, в конце концов, находится?.. Наверное, надо попробовать отсюда выйти и посмотреть, что там, за дверью. Или просто подождать, рано или поздно кто-то сюда войдет. Если войдут люди в белых халатах, то все нормально. А если... э-э... а кто, собственно, еще может сюда войти? Опять парнишка с ушами? Или еще покруче что-то?

Когда же это «что-то» все-таки вошло, Ольга тихо обомлела и подумала, что все-таки, наверное, те уши ей не почудились. Если тут обитают такие вот Добрыни Никитичи, это точно сказка. Такие только в сказках бывают. А сказка — место такое, в нем и ушам... всяким... место найдется... нет, бывают же такие мужики на свете! Два метра с огромным гаком, плечи — во, старичок Шварц отдыхает, а глаза, мама моя родная, какие глаза, синие, как небо, взглянешь в них — и голова кружится, словно с обрыва в пропасть посмотрела... Принц, говорит. Понятное дело, раз сказка, в ней и должен быть принц. Непременно прекрасный. И на белом коне.

Правда, костюмчик маленько не соответствует сказочному имиджу. Кожаная куртка без всяких тебе брабантских кружев; шляпа, которой господа мушкетеры обычно подметают пол, отсутствует, вместо нее обычный ремешок-хайратник, и светло-русые, почти белые волосы принца смотрятся с этим ремешком как-то совсем по-славянски. А лицо у него... посмотришь в это лицо, и хочется человеку верить. Как в романах пишут — «открытое и благородное». Нет, действительно, что-то в этом принце есть такое. Благородное. То ли в лице, то ли во взгляде... Потрясающий мужик. Настолько потрясающий, что нечего на него и заглядываться. Ну где вы когда видели, чтобы такие вот шикарные мужики ничейными оставались и ждали всю свою жизнь — а не появится ли в один прекрасный день этакая принцесса из славного районного центра Большие Кульбабы, сутулая, косолапая, непричесанная и ненакрашенная, в грязных ботинках и помятом свитере?.. Смешно.

— Значит, если я вас поняла правильно, дело обстоит так,— деловито подвела итог девушка.— Я переместилась между мирами, потому что в следующие несколько секунд меня должны были убить. Верно? Переместиться между мирами можно двумя путями: поменяться с умирающим магом или попасться в руки вашему шкодливому братцу. Я так поняла, что тот пацан, которого я приняла за маньяка и приложила вот этим мослом, и есть ваш брат? А куда он исчез?

Элмар с любопытством наблюдал за ней. Несомненно,

девушка не была воительницей и сроду не держала в руках оружия, но характер у нее был самый подходящий. Свойский такой характер. Никаких тебе обмороков и прочих соплей, здоровое любопытство и полная готовность к адаптации. И говорок у нее забавный. Как у Жака.

— Он телепортировался,— пояснил принц-бастард.— Испугался и убежал, проще говоря.

— А вы все так умеете? — заинтересовалась Ольга.— А я так тоже смогу?

— Нет,— улыбнулся Элмар.— Так умеют только маги. Я, например, не умею. И вы вряд ли сумеете. Люди вашего мира крайне редко обладают способностями к магии.

Девушка слегка разочаровалась, но тут же задала новый вопрос:

— А почему вы говорите по-русски? От нас, переселенцев, научились?

— О нет. Это вы говорите по-ортански. Объяснить этот лингвистический феномен до сих пор никто не смог. Все переселенцы говорят на том языке, который услышали первым, и он им кажется родным. Тереза считает, что мы все говорим по-французски. Господин Хаббард утверждает, что по-английски. Для вас — по-русски.

— А сами переселенцы между собой как?

— Разумеется, только по-ортански.

— И все равно им кажется, что на родном?

— Да.

— А если они знали несколько языков?

— В этом вопросе я, пожалуй, не смогу вам помочь. Вам объяснит мэтр Истран, наш придворный маг. Или король, если он пожелает с вами пообщаться.

— Король? — Девушка мгновенно пришла в смятение.— А это обязательно — с ним общаться?

— А что вас смущает?

— Знаете, я как-то боюсь общаться с такими большими шишками... Стесняюсь, и вообще... Никогда не знаешь, на какой кобыле к ним подъехать, чтобы, не дай бог, не разобиделись. А то эти великие начальники... Недостаточно низко поклониться — навеки виноват останешься... Не люблю я их. И боюсь.

Элмар снова улыбнулся, подумав, что бы сказал Шеллар, услышав такое о себе мнение.

— Необязательно,— сказал он.— Но это уж как король скажет... А вот и мэтр Истран, наш придворный маг, прошу знакомиться. Это Ольга.

— Очень приятно! — радостно возгласила девушка и, вскочив с места, замялась.— Ой, простите, а как у вас принято... приветствовать?

— Почти так же, как и у вас,— спокойно пояснил мэтр и присел на край кровати.— Правила этикета вам потом объяснит Элмар. Как-нибудь на досуге.

— Я? — удивился Элмар.— Почему я? Разве не Жак этим занимается? И не вы?

— Жак плохо себя чувствует и в ближайшие дни работать не сможет. Его величество решил, что этим следует заняться вам. Он считает, что вы страдаете от безделья и небольшая необременительная работа на благо короны будет вам полезна.

— Спасибо, дорогой кузен! — ядовито произнес Элмар.— Как это мило с его стороны — позаботиться, чтобы я не страдал от безделья!

— Вот и скажите об этом его величеству,— невозмутимо посоветовал маг.— Он ожидает вас в своем кабинете, чтобы дать некоторые инструкции. А я пока побеседую с девушкой.

Недовольный Элмар удалился высказывать свои благодарности его величеству, а мэтр Истран не спеша прошелся по комнате.

— Я буду задавать вам вопросы,— сказал он, устанавливая на тумбочке у кресел голубой кристалл и производя над ним какие-то манипуляции.— А вы должны на них отвечать по возможности кратко и, разумеется, честно. Это частично сбор информации, частично тест, частично просто знакомство. Итак, в какой стране и в какое время вы жили в вашем мире?

— Конец двадцатого века, Украина.

— Ваш родной язык?

— У меня их два. Здесь я говорю по-русски.

— Ваш род занятий и общественное положение?

— Я студентка. Почти закончила филологический факультет университета, еще не работала. Общественное положение... Я не знаю, как вам объяснить, у нас немного не такое общество...

— Хорошо, расскажите, чем занимаются ваши родители.

— Папа инженер, мама учительница. Вы знаете, что такое инженер, или надо объяснить?

— Не надо. Вы принадлежите к какой-либо религии?

— Вообще-то я православная христианка, но я не особенно верующая. Можно даже сказать, совсем не верующая.

— У вас есть какие-либо увлечения?

— Музыка, литература, компьютерные игры. Немного занималась спортом, но не всерьез, и у меня не получалось. И я давно бросила.

— Каким именно?

— Восточными единоборствами и стрельбой.

— Замечали ли вы за собой какие-либо магические способности?

— Никаких.

— Что вы еще умеете кроме филологии?

— Честно говоря, ничего толком.

— Взгляните вот сюда...

ГЛАВА 2

Пьяный русский хакер практически непобедим.

Народная мудрость

Входи, Тереза. Не стесняйся, заходи, садись вот сюда, в кресло. Ты раньше никогда не была в моем кабинете, я сюда никого не пускаю. Теперь можешь посмотреть. Я все равно тебе все расскажу. Мне тяжело хранить от тебя какие-то тайны. Это не потому, что я напился, я давно хотел тебе рассказать, но нужно было спросить разрешения у короля, а я все время забывал. Я, пожалуй, выпью еще, чтобы легче было рассказывать. Потому что рассказывать то, что я собираюсь, очень трудно. И тяжело. Я даже не знаю, с чего начать...

Это? А, не обращай внимания, это мой самогонный аппа-

рат, в нем нет ничего интересного... Пожалуй, я начну с того, что меня зовут совсем не так и я вовсе не местный житель. Я тоже переселенец, только переместился немного иначе. Как это случилось? Как со всеми. Я умер. В своем мире я был крутым ломовиком и классным бродягой, Жака знала вся мегасеть. Здесь это мое имя. Там это было прозвище. Есть один литературный герой... ты о нем не читала, он появился через сто лет после тебя. Да, мы с тобой из одного мира, только я жил намного позже. На очень много. Почти на триста лет. Не перебивай, а то я собьюсь...

Так вот, я был крутым ломовиком. Меня все знали. И однажды ко мне обратились какие-то лысые с заказом ломануть банк у других таких же лысых. Я сначала отказался, что я, камикадзе — у лысых банки ломать, там, во-первых, такая колючка, что шансов просочиться практически никаких, надо неделю изучать и только потом садиться и самому писать резку. А во-вторых, не приведи господи, кто-то кому-то где-то стукнет, что это я, меня же убьют в тот же день, и хорошо, если без излишней жестокости. Как говорит наш король, не успею «мяу» сказать. Лысым мой отказ не понравился, и они мне стали подробно рассказывать, где работает моя мать, в какой школе учится моя сестренка и что с ними может случиться, если я откажусь. Ну и что мне оставалось делать? Сунул штекер в сокет и пошел... Тебе непонятно? Вряд ли я смогу объяснить понятнее...

А сокет... Вот, пощупай здесь, под волосами, за ухом и чуть выше. Это он и есть. В него вставляется нейроштекер от переходной платы, и выходишь в мегасеть... Ладно, не буду я тебя утомлять непонятками, скажу короче. Я сел на колючку. От этого умирают.

Я увидел свет. Ослепительный желтый свет, похожий на маленькое солнце. И почувствовал, как взрывается болью каждая клетка в мозгу. Я, наверное, единственный живой человек, знающий, что такое смерть на колючке, но вряд ли я смогу это вразумительно описать... Я еще успел подумать, что я умираю и что вот, дескать, как оно бывает. Я очень ошибся. Как оно бывает, я даже не мог себе представить. А еще я подумал, что это конец. И опять ошибся. Оказалось, что это было как раз начало.

Свет вдруг резко померк, и я ощутил свое тело. Сначала я подумал, что отпал, но такого ни с кем никогда не случилось и считалось, что отпасть, когда ты уже на колючке, невозможно в принципе. Даже если вырвать штекер.

Боль в мозгу постепенно утихала. Вокруг было темно. Рядом кто-то сказал:

— Ты посмотри! Он что, переместился? Это был маг?

— Само собой, раз его в ошейнике держали,— сказал другой голос.

— А как же он с ошейником переместился?

— Да тут никакой ошейник не поможет. Они перемещаются спонтанно, не колдуя. Пошли шефу доложим.

Я различил тусклый свет и две неясные фигуры, склонившиеся надо мной. Потом огляделся по сторонам и решил, что у меня полетело блюдце. В смысле мультик выбило. Ну с ума сошел, если тебе непонятно. Я слышал сказку про одного испера, которого отрубили от сети, когда он попал на колючку, и который после того остался полным идиотом. И подумал, что со мной то же самое. Или это у меня агония. Предсмертный бред про подземелья с цепями и инквизиторами.

В этот момент меня крепко пнули ногой под ребра и сказали:

— А ну вставай! Пошли к шефу.

Пинок был абсолютно реальный и очень ощутимый.

— А нам от шефа не влетит? — с опаской спросил другой голос.

— Да ты что! Шеф с ума сходит от радости, когда ему приводят новых переселенцев. Эй, ты что, оглох? Вставай, сказали!

Получить третий пинок мне не хотелось, и я стал подниматься. Я уже не был уверен, что это предсмертный бред. Слишком все было реально. И по мере того как я приходил в себя, становилось все реальнее.

— Где я? — спросил я на всякий случай. Они заржали, и я услышал в ответ:

— Добро пожаловать в Кастель Милагро!

Ты, конечно, слышала про Кастель Милагро. По твоим испуганным глазам вижу, что слышала. Да, это в Мистралии. Гестапо? А что это такое? Ах, ты об этом... Я не так си-

лен в истории, но в принципе похоже. Только... Ты знаешь историю этого замка? С самого начала? Нет? Мне король рассказывал, что когда-то давно там стоял обычный замок и в нем кто-то жил. Потом там поселились маги. Чем они там занимались, никто толком не знает, но однажды, то ли от чрезмерной жажды знаний, то ли просто по пьянке, они там что-то такое отмочили, что просто отпасть. Два дня вместо замка над землей висела сияющая полусфера, за которой ни хрена не было видно и от которой ночью было светло как днем. А когда она исчезла, все увидели, что на месте замка возвышается странное уродливое строение кубической формы, похожее на крепость. Туда сразу понаехали всякие маги, ученые, исследовать стали, трактаты кропать, но толком никто не разобрался, что там к чему. Потом там с кем-то приключился несчастный случай, и здание закрыли для посещения. А там и вовсе забросили.

Вспомнили о нем после первого переворота, как раз когда в Мистралии начался весь этот бардак. Тогда к власти пришел орден Небесных Всадников... Да-да, тех самых, совершенно верно. В Мистралии тоже все началось именно из-за них. Так вот, они расчистили помещения, оборудование распахали по кладовкам, и получилась довольно приличная тюрьма. Собственно, это она и была. Лет сто назад такие тюрьмы строили. Очень надежные и добротные, с такими системами защиты, что хрен сбежишь. Их потом запретили как негуманные... Она просто переместилась. Как люди перемещаются.

После второго переворота, когда Всадников свергла Партия Народного Освобождения, тюрьма стала следственной. Как раз тогда и появился загадочный человек по имени Блай, который предложил свои услуги по усовершенствованию и реконструкции Капель Милагро. Тогда же началась массовая охота на переселенцев, которых тащили со всей страны, чтобы максимально использовать их знания на благо государства. Но переселенцев в те времена попадалось крайне мало. Не так ведь часто умирают маги, и еще не у каждого получается переместиться. После третьего переворота, когда Партия Освобождения пала под натиском Лиги Закона и Порядка, дело пошло живее. Лига учинила массо-

вые расправы над магами, и число переселенцев соответственно возросло. Оно и понятно, как верно заметил когда-то король, первое, что сделали бы мистики, придя к власти,— перебили бы магов. У нас в Средние века, если вдуматься, то же самое было.

Так вот, Блай, который благополучно пережил переворот и даже вырос до полковника, отловил среди переселенцев несколько ценных кадров с техническим образованием. Они отремонтировали и пустили в действие автономный генератор, восстановили охранную систему, наладили центр управления. С тех пор и пошла о Кастель Милагро слава совершенной тюрьмы, из которой не сбегают. Да, совсем. Ты, наверное, не представляешь себе, что такое качественная охранная система при достаточном уровне технологии? Заключенному путем интубации через трахею вставляется специальная микрокапсула безопасности, после чего с ним можно делать что хочешь, он уже никуда не денется. При помощи дистанционного детонатора можно человека парализовать, можно заставить его корчиться от боли, можно убить одним нажатием кнопки. А при пересечении периметра капсула срабатывает автоматически. Собственно, из-за всего этого их потом и запретили...

Так вот, о чем я? Предпоследняя, четвертая революция, когда с Лигой успешно покончил Союз Прогрессивных Сил, сначала обещала быть последней, но среди лидеров произошел раскол. Более оборотистая половина договорилась все с тем же полковником и его службой, в результате чего конкуренты оказались в печально знаменитых подвалах Кастель Милагро. Живым оттуда вышел только легендарный Мануэль дель Фуэго, да и то, мягко говоря, не целиком, и после того никто о нем не слышал. За несколько лет Союз развалил все, что смог, так как оказалось, что управлять страной не так просто, как они думали.

Пять с лишним лет назад последний переворот привел к власти Объединение Всеобщего Благоденствия. Оно начало с того, что объявило о своей демократичной политике, после чего народ возрадовался и самые наивные эмигранты бросились на родину, а самые доверчивые борцы за свободу вышли из подполья. Некоторое время страна ликовала и пела

песни, а потом благоденствие закончилось и власть стала закручивать гайки. Тут-то и оказалось, что неистребимый Блай никуда не делся, а, напротив, вырос до ранга особого советника.

Когда правительство принялось наводить жесткий порядок и давить оппозицию, Кабель Милагро снова пригодился и расцвел с новой силой. Проблема оборудования оставалась открытой. Из ценных кадров последнего улова к тому времени один погиб при попытке к бегству, другой покончил с собой и еще двое спились. Поэтому я там оказался как раз кстати. Сначала мне, ничего не объясняя, засадили капсулу безопасности, затем выдали униформу, потому что одет я был практически ни во что — трусы и футболку. Классная была футболка, стильная, из настоящего хлопка, под двадцатый век. Мне ее сосед подарил. Чудный мужик, ископаемый экземпляр, классический хиппи... а в ваше время их еще не было? А, ну бог с ним. Я к тому, что он был задвинутый на истории движения хиппи и про этот двадцатый век мог трындеть хоть до посинения. Ну и покрывки у него были соответственные... ну в смысле, прикиды. Одежда в стиле. А еще он на траве сидел... ладно, про соседа я тебе в другой раз расскажу.

Суть в том, что из-за этой стильной футболки меня приняли за переселенца из двадцатого века. Он, конечно, умный и хитрый сукин сын, этот советник Блай, но тут он прокололся. А я... Я его как увидел, испугался до заикания. Глаза у него такие... не знаю почему, но страшно в них смотреть. И я задницей почувствовал, что исправлять ошибку советника не надо, а, наоборот, надо врать изо всех сил, иначе влипну еще круче. И стал врать. Насколько смог достоверно. Все, что мне мой сосед трындел по укурке, мигом вспомнил. По счастью, никто не додумался, когда меня обыскивали, пошарить под волосами за ухом. Даже не заметили, что у меня в соquete штекер остался... Советник Блай мне подробно объяснил, что такое перемещение и как оно случается, а также куда я попал и что от меня требуется. Сама понимаешь, что им от нас, переселенцев, требовалось.

Технологии.

И как я ни врал, что ни в чем не разбираюсь, мне резонно

заметили, что человек, выросший в конце двадцатого века, не может совсем ничего не знать об электронных приборах и огнестрельном оружии. От оружия мне удалось отвертеться, заявив, что я пацифист и даже не служил в армии... Правда, конечно, разве не похоже? А насчет приборов можно посмотреть. Как их делать, я, понятно, не специалист, а если разобрать и посмотреть... В общем, определили меня ковыряться в приборах — их там целый склад напихано было,— выделили каморку жить и мастерскую работать и объяснили про охранную систему. Тут я во второй раз подумал, что пришел мне полный демонтаж. И опять ошибся.

— Чего ты кипятишься? — преспокойно поинтересовался его величество, наблюдая в огромном зеркале за ходом опроса и тестов.— Обьест тебя эта девочка, что ли?

— Не в этом дело! — раздраженно отозвался Элмар.— Почему это ты решил, что я страдаю от безделья и что ты можешь так запросто распоряжаться моим временем, моим домом, моей жизнью?

— Я знаю, что ты не страдаешь,— усмехнулся король.— Безделье доставляет тебе удовольствие. Но нельзя же быть таким лодырем. Да и не так часто я обращаюсь к тебе с просьбами. Жак некоторое время не сможет принимать в своем доме гостей. У него проблемы. Не оставлять же ее во дворце? Тебе что, трудно?

— Не знаю... Как-то все неожиданно и вдруг... А больше никуда нельзя ее пристроить?

— Нельзя. Потом, когда адаптируется,— пожалуйста. Может, чуть позже Жак решит свои проблемы, и переселим к нему. А пока — займись. Чем она тебе не нравится?

— А что я скажу Азиль?

— Правду. Неужели ты думаешь, что Азиль станет ревновать?

— Да нет, но... ты же знаешь, она не особенно ладит с другими женщинами... А если они начнут ссориться? Ты хотел бы жить под одной крышей с двумя враждующими дамами?

— Я с полным на то правом мог бы заявить, что в настоящий момент живу с шестью, но не буду ловить тебя на сло-

ве. Если начнут, тогда и будем думать. В конце концов, я твой король и могу тебе просто приказать, закончив таким образом этот глупый спор. А я тебя уговариваю, как маленького.

— Как скажете, ваше величество,— надулся Элмар.— Еще приказания будут или я могу идти?

— Не обижайся. Тебе надо как-то участвовать в жизни королевства. Ты же мой наследник. А ты что в политике, что в финансах полный невежда. Поработай хоть с переселенцами для начала, посмотри, как мы это делаем.

— А потом ты начнешь припрягать меня к политике и финансам? Не дожدهшься! Лучше женись, заведи себе нормального наследника и тогда учи его, чему хочешь и как хочешь.

— Если ты приведешь мне хоть одну приемлемую причину, почему ты не хочешь выполнить мою просьбу, я от тебя отстану. Если же ты просто не хочешь, будь добр, не капризничай.

Элмар подумал и приемлемой причины не нашел.

— Ладно,— проворчал он.— И что мне с ней делать?

— То же, что ты делал только что. Беседовать. Водить гулять. Познакомь с Азиль, пусть она ее куда-нибудь поведет... по лавкам, или куда там женщины ходят развлекаться. Я ей выдам из казны тысячу золотых на первое время и на обзаведение хозяйством, а потом подумаем, какую ей подыскать работу. И не ной, пожалуйста. Она весьма приятная девочка. Не красавица, конечно, но тебе же с ней не спать, а работать. Кстати, твое мнение?

— О ней? Не знаю. Я не специалист по переселенцам. Жака спроси.

— Я тебя не как специалиста спрашиваю, а просто по-человечески.

— Шеллар, я ее боюсь. Мне кажется, я ей нравлюсь. Может, она, конечно, и не дура, но если она начнет со мной заигрывать...

— Значит, будет душой,— засмеялся король.— Не пугайся заранее. Просто дай ей понять, что ты не свободен. Познакомь со своими приятелями. Ты всем нравишься, это еще ни о чем не говорит. Почему она обязательно должна с тобой заигрывать?